

О СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ УЧАСТНИКАХ КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ И ИХ ВООРУЖЕНИИ

С.Я. БЕРЕЗИН¹
Е.И. НАРОЖНЫЙ²

*Армавирский государственный
педагогический университет*

¹ e-mail: zai_ein@mail.ru

² e-mail: cai_arm@mail.ru

Вынесенная в заглавие тема не только нова, но и актуальна. Рассматриваемая книга не только позволила массовому читателю представить себе северокавказских участников Куликовской битвы, сражавшихся против русских дружинников на стороне Мамаю, но и судить об их комплексе вооружения. Вместе с тем возникает вопрос о степени достоверности предложенной реконструкции, который и рассматривается в данной статье.

Ключевые слова: Куликовская битва, участники, Северный Кавказ, версия, реальность.

Щербаков А., Дзысь И. Куликовская битва: 1380 год. Серия: «Военный музей». М.: Издательский центр «Экспресс». 2001. 84 с.

Выход в свет хорошо иллюстрированной и красочно оформленной книги – «Куликовская битва. 1380 год», стал заметным событием не только в дальнейшем изучении истории этого сражения. Ее авторы попытались представить массовому читателю противников русских дружинников, сражавшихся против них на стороне Мамаю. Среди них упоминаются и выходцы с территории Северного Кавказа, а на отдельной таблице демонстрируется набор предметов их защитного и наступательного вооружения (Рис. 1). Для удобства мы воспроизводим этот рисунок, поскольку показанные на нем образцы вооружения, на наш взгляд, вызывают потребность в некоторых комментариях. Впрочем, некоторых уточнений требует и вопрос о конкретном, северокавказском «представительстве» в составе наемного воинства Мамаю.

Русские источники, сообщая о политической ситуации внутри Золотой Орды перед Куликовской битвой, сообщали, что в результате мятежа Мамаю Золотая Орда распалась на две части, границей между которыми была река Волга. «Районы между Волгой и Доном, Северный Кавказ, Причерноморские степи и Крым находились под властью Мамаю»¹. Уже на этом основании можно предполагать о достоверности сведений источников, повествовавших о таком участии в Куликовском сражении некоторых северокавказских отрядов, выступивших на стороне военных сил Мамаю. В частности, источник свидетельствовал, наряду с призванными под его знамена «силою лядскою и половецкою», Мамаю «понаймовал рати Бессермены и Армении, и Фрязи, Черкесы, и Ясы и Буртасы»². Этот лаконичный перечень хорошо известен специалистам и привлекал к себе внимание уже не один раз³. Одной из последних по времени

¹ Егоров В.Л. Золотая Орда перед Куликовской битвой // Куликовская битва. М., 1980. С. 190–191.

² ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Определенные затруднения здесь вызывает лишь отождествление летописных «лядов» (С. 79), под которыми летописец подразумевал, скорее всего, литовцев или поляков.

³ О половцах на Северном Кавказе см.: Плетнева С.А. Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1958. Т. 2. С. 120–223; Минаева Т.М. К вопросу о половцах на Ставропольской возвышенности (по археологическим данным) // Материалы по изучению истории Ставропольского края. Вып. II. Ставрополь, 1964. С. 164–195; Нарожный Е.И. О половецких изваяниях и святилищах XIII–XIV вв. Северного Кавказа и Дона // Степи Европы в эпоху средневековья. Половецкое и золотоордынское время. Донецк, 2003. Т. 3. С. 245–274; Нарожный Е.И. Средневековые кочевники Северного Кавказа (Некоторые дискуссионные проблемы этнокультурного взаимодействия эпохи Золотой Орды). Армавир, 2005. С. 68–120; Нарожный Е.И. Этнокультурный состав кочевого и оседлого населения северокавказских владений Золотой Орды: некоторые итоги и перспективы изучения // Средневековая археология Евразийских степей: Материалы Учредительного съезда международного Конгресса. Казань, 2007. Т. I. С. 204–212.

попыток конкретной идентификации перечисленных в источнике этнонимов является версия В.Л. Егорова, на которой, также, следует остановиться вновь, т.к. предложенное им еще в 1980 году отождествление, на наш взгляд, нуждается в уточнениях.

В.Л. Егоров пишет: «Кто в этом списке понимается под бессерменами, трудно сказать, ибо в летописях этим термином обозначаются мусульмане вообще. Однако не исключено, что летописное указание может относиться и к мусульманским отрядам, завербованным в Азербайджане, связи которого с Золотой Ордой имели давний характер. Такой же отряд наемников был приглашен и из Армении. В среде армянских феодалов, видимо, было довольно широко распространено наемничество. ... Под именем летописных фрязей фигурируют отряды из итальянских городов-колоний южного берега Крыма и Таны в устье Дона. ... Жившие на Северном Кавказе черкесы и ясы (осетины), а также средневековые бургасы находились в полной вассальной зависимости от правителей Золотой Орды, т.к. районы их расселения составляли часть территории этого государства»⁴.

Ныне можно предложить и несколько иной вариант отождествления. Впрочем, определенные сомнения вызывает и тезис о «вассальной зависимости» от Мамай значительной части населения, упоминаемых летописью и которые, на что следует обратить внимание особо, не были просто мобилизованы, а Мамай вынужден был их «понаймовать», т.е., нанять и, вероятно, на основе материального вознаграждения за эту военную услугу.

В первую очередь, источник указывает на приход к Мамаю отрядов, состоявших из «лядов» (литовцы или, скорее всего, поляки – ?) и половцев. Северный Кавказ, включая и его северо-западные районы, а также территории вплоть до нижнего течения Дона, действительно, еще с «домонгольского» времени являлись зоной половецких кочевий. Не очень существенно изменился ареал половецких территорий и внутри Золотой Орды⁵. Следует согласиться с В.Л. Егоровым и в том, что под «бессерменами» русская летопись могла подразумевать не столько конкретную этнокультурную группу, сколько, конфессиональную специфику этих отрядов, состоявших, скорее всего, мусульман. Однако, вряд ли, такие отряды были обязательно с территории современного Азербайджана. Наиболее вероятно полагать, что речь идет о разнотничных группах кочевников-мусульман с южного берега Крыма, или же, что более вероятно, с территории Приазовья, где ныне известны мусульманские захоронения кочевников середины-второй половины XIV века⁶.

Достаточно сложно определить происхождение отрядов Мамай, состоявших из «армени» – армян летописного перечня. Однако, вряд ли, это были отряды наемников, пришедших к Мамаю, якобы, с территории исторической Армении. Более реально обратить внимание на то, что, согласно итальянским документальным источникам этого времени, представители армянской диаспоры достаточно заметно присутствовали в торговых факториях Приазовья и Причерноморья. Источники сохранили сведения не только об армянских купцах и торговцах Приазовья и Причерноморья, но и упоминали о неких «казаках» – армянах, известных наряду с «казаками из Самастро», «казаками» – мингрелами, авасгами и выходцами из Лигурии, которые находились в итальянских торговых факториях Причерноморья на военной службе, будучи нанятыми за плату, для охраны таких факторий⁷.

⁴ Егоров В.Л. Золотая Орда... С. 190-191.

⁵ Минаева Т.М. К вопросу о половцах... С. 179-182; Нарожный Е.И. Средневековые кочевники... С. 109-120; Нарожный Е.И. О половецких изваяниях... С. 272-274; Нарожный Е.И. Этнокультурный состав... С. 210-212.

⁶ Чхаидзе В.Н. Кочевнические погребения из раскопок Старотиторовского курганного могильника на Таманском полуострове // Археологический журнал. Армавир. 2008. № II. С. 70-80.

⁷ Карпов С.П. Итальянские морские Республики и Южное Причерноморье в XIII-XV вв.: проблемы торговли. М., 1990. С. 50-90 и сл.

Несколько необычно воспринимаются сведения о «казаках» итальянских документов вообще, впрочем, как и о «казаках»-кавказцах, принимаемых за плату для охраны факторий. Однако если следовать наблюдениям одного из лидеров французской "Школы анналов" – Ф. Броделя, итальянские морские Республики (Генуя, Венеция, Флоренция) в этот период находились на стадии активного развития в них ранних, протокапиталистических отношений⁸. Тогда, вполне реально допускать, что аналогичная система взаимоотношений была привнесена итальянцами из их метрополий и на территорию Приазовья – Причерноморья, где она успешно развивалась внутри факторий⁹. По всей вероятности, это и объясняет феномен наемничества, активно развивавшийся не только внутри итальянских факторий, но и за их пределами. На этом фоне допустимо предположить, что большинство из упоминаемых русской летописью наемников Мамаю – такие же «казаки», оказавшиеся у Мамаю не в силу их зависимости от него, а из-за предложенной им оплаты военной услуги.

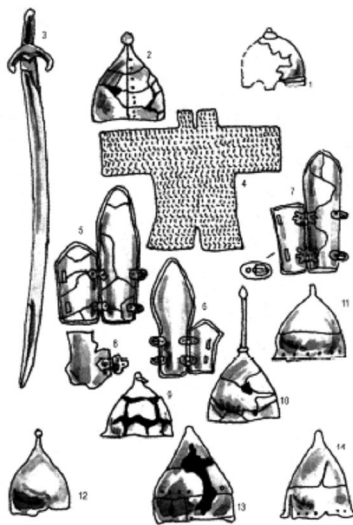

Рис. 1. Предметы вооружения северокавказских участников Куликовской битвы 1380 года (по: Щербаков А., Дзысь И. Куликовская битва: 1380 год. Серия: «Военный музей». М.: Издательский центр «Экспринт». 2001. С. 24)

На Северном Кавказе ныне известны и находки отдельных надгробных камней с армянской эпиграфикой – хачкаров. Один такой хачкар, случайно обнаруженный в окрестностях современного г. Темрюка на Тамани¹⁰. Второй надгробный камень был найден на территории золотоордынского города Маджара (современный город Буденновск на Ставрополье)¹¹. Известно и о существовании на р. Белой (Краснодарский край) армяно-григорианской церкви св. Георгия, построенной и функционировавшей в XIII – XIV вв.¹² Есть и многочисленные сведения об армянских обитателях золотоордынского времени в Крыму и в бассейне Ниж-

⁸ Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск, 1992. С. 3-48 и сл.

⁹ Нарожный Е.И. Средневековые европейские цивилизации и их приазово-причерноморская ойкумена в 13–14 вв. // Античные цивилизации и варварский мир (Материалы 7–го международного археологического семинара; Краснодар, 8-11 июня 1999 года.). Краснодар, 2000. С. 113-115.

¹⁰ Волков И.В. Хачкар из Темрюкского музея (наблюдения о влиянии армянской диаспоры на городскую культуру Золотой Орды) // Армяне Северного Кавказа. Краснодар, 1995. С. 72-73.

¹¹ Волков И.В. Хачкар с городища Маджары // Историко-археологический альманах. Армавир – М., 1996. С. 213-214.

¹² Пьянков А.В. О церкви св. Георгия, построенного армянским зодчим в XII. в. на р. Белой // Армяне Северного Кавказа. Краснодар, 1995. С. 99-107; Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б. О локализации "области Кремух" и о Белореченских курганах // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 1. Краснодар, 2001. С. 124-149.

него Дона. Итальянские письменные источники конкретными этнонимами называют и «новые» группы «нелатинян», сформировавшихся внутри итальянских факторий Причерноморья, на основе брачных связей, например, матерей-армянок и их мужей-итальянцев, черкесов и т.д.¹³

Таким образом, есть все основания для того, чтобы воинские отряды, целиком состоявшие из «Армени», можно было сопоставлять с представителями армянских диаспор, обитавших на территории Северо-Западного Кавказа, Нижнего Дона или Крыма, но, отнюдь, как пришедших для найма из Армении.

В отношении «фрязей» того же источника, следует согласиться с В.Л. Егоровым в предлагаемой им идентификации последних с и европейски (итальянскими) обитателями торговых факторий, но не только с южного берега Крыма, а скорее всего, из Приазовья и Восточного Причерноморья. «Черкесы» летописи – это адыгоязычные обитатели Северо-Западного Кавказа. Несколько сложнее кажется нам проблема идентификации «асов» того же источника. Действительно, разноязыкая письменная традиция эпохи средневековья, упоминает этнонимы «асы» и «аланы», как названия разных средневековых этносов; в других же случаях эти этнонимы весьма часто рассматриваются как разные названия одного и того же этноса, ныне сопоставляемого с средневековыми предками современных осетин Северного Кавказа¹⁴.

Вместе с тем, византийские авторы, к примеру, хорошо знавшие алан Центрального Предкавказья и сообщавшие о том, что они были «покорены татаро-монголами» уже в первой половине XIII века, неустанно указывают на перманентные миграции алан, шедшие от Главного Кавказского хребта в сторону Черного и Азовского морей¹⁵. По поводу этого процесса, как считается, на одном из соборов в Константинополе (1276 г.) специально разбирался вопрос о «депопуляции и дезурбанизации» в Алании¹⁶. В любом случае, именно в Причерноморье «асов» знают и более поздние источники, среди которых – персидские авторы, описывавшие маршруты передвижений здесь войск эмира Тимура через полтора десятилетия после Куликовской битвы¹⁷. Любопытно, что эти «асы» занимали целые «области», а управляли ими люди с явной тюркской ономастикой¹⁸. Аланские погребальные комплексы XIV века ныне упоминаются некоторыми исследователями и в районе современного Сочи, например, среди погребенных могильника «Садовые культуры»¹⁹. Следовательно, «асов» русских летописей, которые приняли участие в сражении 1380 года на стороне войск Мамаю, можно «выводить» не столько с территории центральных районов Северного Кавказа, сколько с территории Северо-Западного Кавказа.

Что же касается «буртасов» летописи, то под этим этнонимом, как справедливо отметил В.Л. Егоров, традиционно воспринимают население среднего течения Дона²⁰.

¹³ Еманов А.Г. Латиняне и нелатиняне в Кафе (XIII-XV вв.) // Из истории Византии и византиеведения. Л., 1991. С. 107-119.

¹⁴ Егоров В.Л. Золотая Орда... С. 190-191.

¹⁵ Бибииков М.В. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII-XIII вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1981. С. 129 и сл.

¹⁶ Малахов С.Н. К вопросу о локализации епархиального центра Алании в XII-XVI вв. // Аланы, Западная Европа и Византия (ALANICA-1). Владикавказ, 1992. С. 190.

¹⁷ Нарожный Е.И. О движении войск Тимура с Нижней Кубани (Историко-археологические ориентиры) // Первая Абхазская международная археологическая конференция, посвященная памяти Ю.Н. Воронова: «Древние культуры Кавказского Причерноморья, их взаимодействие с культурами соседних регионов. Сохранение культурного наследия». Мат-лы конференции. Сухум, 2006. С. 257-261.

¹⁸ Ртвеладзе Э.В. О походе Тимура на Северный Кавказ // Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1976. Т. 4. С. 105-127.

¹⁹ Овчинникова В.Б. Итоги полевых исследований Лоовской археологической экспедиции Уральского государственного университета им. А.М. Горького // Археология, архитектура и этнокультурные процессы Северо-Западного Кавказа. Екатеринбург, 1997. С. 10-45.

²⁰ Егоров В.Л. Золотая Орда... С. 190-191; Афанасьев Г.Е. Донские аланы. Социальные структуры алано-аско-буртасского населения бассейна Среднего Дона. М., 1993. С. 4-12 и сл.

Таким образом, если следовать предложенным отождествлениям, можно предполагать: в составе войск Мамая, помимо подвластных ему кочевников, были и отряды наемников с территории Северо-Западного Кавказа и Дона, в числе которых вошли причерноморские аланы, армяне из прибрежных факторий, черкесы, какие-то группы кочевников-мусульман и буртасы с территории Среднего Подонья. Если брать за основу предлагаемую идентификацию, можно считать, что и комплекс их вооружения должен быть самым разнообразным. Однако в силу отсутствия конкретных и общепринятых представлений о воинском арсенале за исключением аланов и черкесов²¹, тех же армян и буртасов сегодня вряд ли возможно предложить хоть какие-то обобщения на этот счет или же конкретно представлять комплекс традиционного вооружения того или иного, северокавказского участника Куликовской битвы. Тем не менее, А. Щербаков и И. Дзысь, хотя бы в общих чертах, такой комплекс вооружения представили широкому кругу читателей их книги²², и нам остается лишь прокомментировать предметы комплекса вооружения северокавказских участников Куликовской битвы, представленных указанными авторами (см. рис. 1).

А. Щербаков и И. Дзысь, публикуя данный рисунок (на стр.24), далеко не всегда указывают на то, откуда конкретно, те или иные предметы защитного и наступательного вооружения «северокавказских участников Куликовской битвы» происходят. Тем самым, заинтересованный читатель лишается возможности реально проверить предложенное отождествление. Между тем, значительная часть изображенных на том рисунке предметов вооружения вполне узнаваема и сопоставима с конкретными публикациями, из которых она и попала на страницы рассматриваемой книги. Это и позволяет нам комментировать опубликованный А. Щербаковым и И. Дзысем комплекс вооружения северокавказских участников Куликовской битвы.

Железный и сильно фрагментированный шлем (см. рис. 1, 1), достоверно связан с разрушенным позднекочевническим захоронением у сел. Новотерское (Наурский район современной Чечни); впервые он был введен в научный оборот Д.Ю. Чахкиевым²³, а затем, с некоторыми уточнениями, М.В. Гореликом²⁴. Д.Ю. Чахкиев расценивал весь погребальный комплекс, включая и этот шлем, как половецкий; М.В. Горелик отнес интересующий нас шлем к числу сугубо "монгольских"²⁵. Да и само погребение, имевшее северную ориентировку, вкупе с другими предметами его погребального инвентаря ныне трактуется "монгольским" и отнесено ко времени не ранее конца XIII – начала XIV века²⁶. Другими словами, этот тип шлемов, имевших к тому же оригинальное бронзовое наведение, аналогичное наверхшим, встреченным еще на трех «монгольских» шлемах с территории Восточной Европы²⁷, бытовал, как минимум, за 50-100 лет до Куликовской битвы. Возможность использования такого типа боевых наголовий северокавказскими участниками сражения на Куликовом поле слишком маловероятна.

²¹ Горелик М.В. Аланский воинский комплекс золотоордынского времени // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. (Юбилейные XXV "Крупновские чтения"). Тезисы докладов. Владикавказ, 2008. С. 136-140; Горелик М.В. Адыги в Южном Поднепровье (вторая половина XIII – первая половина XIV в.) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 3. Армавир, 2004. С. 293-300.

²² Щербаков А., Дзысь И. Куликовская битва: 1380 год. Серия: «Военный музей». М., 2001. С. 24.

²³ Чахкиев Д.Ю. Богатое погребение воина-кочевника у села Новотерское (Чечено-Ингушетия) // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984. С. 90-134.

²⁴ Горелик М.В. Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV вв.) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987. С. 130-180.

²⁵ Там же.

²⁶ Нарожный Е.И. Восточные и западные инновации золотоордынской эпохи у населения Верхнего и Среднего Притеречья (Археолого-историческое исследование). Автореф. дис... к.и.н. Воронеж, 1998. С. 3-6.

²⁷ Нарожный Е.И. О некоторых типах средневековых шлемов с территории Северного Кавказа // Военная археология. Том 1. Материалы семинара. М.: ГИМ, 2008. С. 47-60.

Если обратить внимание на рисунок второго шлема (см. рис. 1, 2), сабли (см. рис. 1, 3), кольчужной рубахи (см. рис. 1, 4), пары наручей-«базубандов» (см. рис. 1, 5, 7), то и они достоверно идентифицируются с разрушенным комплексом погребения ингушского воина, исследованного в окрестностях горно-ингушского сел. Верхний Алкун. Весь комплекс был полностью опубликован в 1990 году²⁸. Нет смысла комментировать весь набор предметов вооружения из этого захоронения, поскольку в нем, кроме оружия, была и пара серебряных монет, в свое время определенных проф. МГУ Г.А. Федоровым-Давыдовым. Монеты биты в Хаджи-Тархане от имени Пулад-хане в самом начале XV века, т.е., через четверть века после Куликовской битвы. К тому же, предков ингушей среди участников Куликовской битвы, русская летопись не упоминает, да и не могла указать в принципе: зона традиционного обитания средневековых ингушей, считается, в состав Золотой Орды никогда не входила²⁹. Да и все предметы вооружения, происходящие из захоронения ингушского воина у сел. Верхний Алкун, являлось, скорее всего, «трофейным» по происхождению. Но и сами «трофеи» вряд ли имели какое-либо отношение к современникам событий на Куликовом поле, поскольку могли попасть в распоряжение горцев лишь в самом начале XV столетия, когда на Северо-Восточном Кавказе уже господствовали кочевые орды, ставшие основой будущего Астраханского ханства, либо же, Большой Орды.

В той же самой публикации А. Щербакова и И. Дзысы приводится еще один целый (см. рис. 1, 6) и второй, фрагментированный, наручи (см. рис. 1, 8). Первый образец связан с горно-ингушскими древностями, также относимыми к посткуликовскому времени. Фрагментированный наруч происходит из раскопок С.Ц. Умарова, исследовавшего поселение конца XIV- начала XV вв. в высокогорной Чечне, близ средневекового сел. Цеча-Ахк³⁰. Остальные шлемы также легко идентифицируются. Все они (см. рис. 1, 9-14) – из погребальных комплексов высокогорья Ингушетии, датированы посткуликовским временем.

Таким образом, установив по свидетельствам письменных источников реальный состав северокавказских участников битвы на Куликовом поле, нанятых за плату Мамаем, мы можем констатировать достаточно широкое участие северокавказцев на его стороне не только с территории Северо-Западного Кавказа, но и из Крыма, а также Нижнего Дона. Довольно «пестрый» этнокультурный состав этой части участников сражения предполагает и возможность использования ими самых разнообразных образцов вооружения. Попытка А. Щербакова и И. Дзысы опереться на известные им образцы защитного и наступательного вооружения только с территории Северо-Восточного Кавказа, вряд ли позволяет судить о том, как были экипированы северокавказские участники сражения. Опора на археологические материалы, происходящие только из высокогорной Ингушетии, к тому же, как считается ныне, не входившей в состав Золотой Орды, лишь отчасти может сориентировать заинтересованного читателя книги, ибо все предметы вооружения оттуда ныне связываются с заимствованиями, полученными горцами, причем, разными путями, из золотоордынской среды задолго до Куликова поля. Другие же, оказались в горах значительно позднее этого события, но, в любом случае, такие образцы вооружения могут иллюстрировать специфику золотоордынского комплекса вооружения, а не комплекс вооружения северокавказских участников Куликовской битвы.

Вместе с тем, в последние десятилетия заметно активизировался интерес специалистов к археологическим материалам, связанным с комплексом вооружения тех или иных обитателей Северного Кавказа. Возможно, что дальнейшая и целеустрем-

²⁸ Чакхийев Д.Ю., Нарожный Е.И. Погребение знатного горского воина нач. XV в. из с. Верхний Алкун (Горная Ингушетия) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990. С. 129-140; Нарожный Е.И., Чакхийев Д.Ю. О находках некоторых образцов ударного и защитного вооружения на Северном Кавказе // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып.2. Армавир, 2003. С. 116-153.

²⁹ Виноградов В.Б. Судьбы древних монет. Грозный, 1982. С. 56-78.

³⁰ Нарожный Е.И., Чакхийев Д.Ю. О находках некоторых образцов ударного... С. 152. Рис. 10,2.

ленная работа в этом направлении позволит более конкретно вести речь о комплексе вооружения тех или иных выходцев с Северного Кавказа, включая и тех из них, которые в 1380 году в составе воинских подразделений Мамаю, действительно могли участвовать в сражении на Куликовом поле.

ABOUT NORTHERN CAUCASIAN PARTICIPANTS OF KULIKOVSKAYA BATTLE AND THEIR ARMAMENTS

S.Ya. BEREZIN¹⁾
E.I. NAROZHNYI²⁾

*Armavir State
Pedagogical University*

¹⁾ e-mail: zai_ein@mail.ru

²⁾ e-mail: cai_arm@mail.ru

The subject submitted as the title is not only new, but actual as well. The examined book not only made it possible for the general reader to realize the enumeration of North Caucasian participants in Kulikovskaya battle who fought against Russian combatants on the side of Mamay, but also to judge the complex of their armaments – all this arouses certain resonance. At the same time there arises a question concerning the degree of reliability of the suggested reconstruction, which the authors of the above-mentioned article are trying to clear out.

Key words: Kulikovskaya battle, participants, Northern Caucasus, version, reality.